

СЕРГЕЙ ЗВЕРЕВ

「**ЧЕРНЫЙ**」
「**ПЕРЕКРЕСТОК**」

МОСКВА

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
3-43

Зверев, Сергей Иванович.

3-43   **Черный перекресток / Сергей Зверев.** — Москва :
Эксмо, 2025. — 320 с.

ISBN 978-5-04-215063-0

Западные спецслужбы пытаются ослабить российское влияние в африканском регионе. В ход идут самые грязные методы. ЦРУ забрасывает в Судан известного рейнджера с позывным Танцор, который вместе со своими подельниками похищает несколько высокопоставленных чиновников, а также прибывшего в страну для переговоров военного советника из Египта. Американцы надеются, что правительство Судана обратится к ним за помощью в розыске пропавших, после чего они смогут диктовать аборигенам свои условия. Но африканцы обратились к русским. На поиски заложников отправляется группа подполковника Александра Ковригина. Он догадывается, где может скрываться опасный головорез, тем более что у российского спецназовца с Танцором личные счёты...

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-04-215063-0

© Зверев С.И., 2024
© Оформление.
ООО «Издательство «Эксмо», 2025

ГЛАВА 1

*Германия, Штутгарт, казармы Келли,
отдел РУМО по Африканскому континенту*

— Судан. Меня интересует Судан. — Глава штаба Африканского командования вооруженных сил США генерал Роберт Брайант тяжелым вопрошающим взглядом посмотрел на полковника Симмонса.

Деррик Симмонс давно уже ждал этого разговора и мысленно готовился к нему. Он был далеко не молод и не глуп, чтобы не понимать, что обстановка в Судане с каждым днем приближается к катастрофической отметке. Не для самой республики, конечно же, а для американцев. Вернее, как это принято писать в прессе, для безопасности Америки. Экономически выгодный для акционеров и бизнеса и стратегически выгодный для военных плацдарм начал постепенно выходить из-под контроля.

Когда-то Судан был третьим по территории государством на Черном континенте, но зависимым от влияния соседнего Египта и британцев. И хотя в 1956 году он был провозглашен независимым государством, страну постоянно сотрясали внутренние

войны. Арабы ненавидели темнокожих, а те, в свою очередь, считали арабов захватчиками их земель. Англосаксы, которым было выгодно контролировать такую большую территорию, если только на ней не будет сильного правительства и единогласия между концессиями и этническими группами, всячески раздували внутренний конфликт в стране. В конце концов, Судан распался на два отдельных государства — Республику Судан и Южный Судан.

Но это не помогло региону зажить мирной жизнью, и спор за богатые золотом земли африканской страны не погас. Что, впрочем, было на руку американцам и британцам, которые когда-то размещали в Судане немалый военный контингент и по сей день имели в этом регионе интерес. Черному же населению не нравилось, что их правительство взяло курс на исламизацию и в парламенте сидели в основном арабы. Это привело к созданию сепаратистского движения и повстанческих организаций. К тому же Южный Судан и некоторые другие соседние страны, например Египет, стали предъявлять к республике территориальные претензии, что только еще больше усугубило конфликт и раскол в обществе, а также привело к резкому экономическому спаду. Начались протестные выступления. Народ требовал хлеба. Зрелищ, в виде вооруженных нападений на села и небольшие городки бандитствующих формирований и разного рода «освободителей», ему и так хватало.

Пока шли споры и бои за территорию, пока экономика страны рассыпалась, американский бизнес делал свое дело — золото и сырая нефть скупались задешево, а то и вовсе уходили за океан бесплатно. И хотя основными покупателями природных богатств Судана были Арабские Эмираты и Китай, никто не считал, сколько долларов ушло в карманы американского бизнеса. Ведь, по официальным данным Центрального банка Судана, только за один год куда-то «пропало» более тридцати двух тонн золота.

Но все эти экономические нюансы мало интересовали военных. У них в Судане были свои интересы — выход к Красному морю и контроль йеменских хуситов. А для этого им нужна была база в крупнейшем порту страны — в Порт-Судане. И все бы ничего, потихоньку они бы, может, дожали и этот вопрос — свои люди в правительственных кругах у них были, но вмешались русские.

— Как вы уже знаете, на сегодняшний день Россия является одним из сильнейших инвестиционных и политических союзников Судана. — Симмонс открыл папку, лежащую перед ним, и достал из нее несколько документов. — К тому же русские с некоторых пор поставляют оружие нынешнему правительству Судана, которое оно направляет против повстанцев, действующих...

— Полковник, меня не интересует то, что я и так давно уже знаю и без вашего доклада, — прервал Симмонса генерал. — Мне нужно знать, договорились ли русские с правительством о строительстве своей

военной базы в Порт-Судане? Только не рассказывайте мне старые истории, что русскому военному флоту разрешено входить в любые порты Судана — это я и без вас знаю. Насколько я знаю, недавно из Судана отбыла делегация военных из Минобороны России. Мне интересно, был ли подписан договор?

— Нет. То есть пока нет, — поторопился исправить ошибочное утверждение Симмонс. — Наша разведка и наша агентура в правительстве постарались убедить генеральный штаб Судана повременить с договором, указав на невыгодность сделки. Был сделан акцент на небольшой процент выгоды данного предприятия для интересов страны. Но вы ведь сами понимаете, что это только временная мера. Оттягивать до бесконечности этот процесс мы не сможем, если только...

— Что «если только»? — Серые холодные глаза Роберта Брайанта уставились в лицо Симмонса. — Слова «если» и «только» тут лишние. Вам так не кажется? Как и слова «мы не сможем». Надо сделать все возможное, чтобы мы смогли помешать русским устроиться с комфортом там, где должны быть устроены наши ребята из Шестого флота. Что по этому поводу вы мне можете предложить? Есть какие-то соображения?

Соображения у Симмонса были. Если бы их у него не было, он бы сейчас не сидел в кабинете начальника, а выращивал флоксы и розы где-нибудь на задворках Флориды. На пенсию полковник мог выйти уже лет пять назад, но предпочел выращиванию

цветов и рыбалке свою любимую работу. Полковник до мозга костей был предан армейской разведывательной службе и, отдав служению безопасности американского отечества больше тридцати лет, уже не мыслил себя вне РУМО.

— Нужно еще больше раскачать и дестабилизировать обстановку в стране, создать панику среди населения, нанести удар не по мирным жителям, а по военным, которые защищают интересы нынешнего правительства. Если нам это удастся сделать, то есть шанс, что председатель Переходного военного совета задумается — стоит ли ему пускаться в свою страну русских военных или лучше обратиться за помощью к Америке? Во всяком случае, мы ему подскажем, в каком направлении стоит думать.

— Что конкретно вы предлагаете? — Тяжелый взгляд генерала приковал Симмонса к креслу, но полковнику было не впервой отвечать на такие вопросы, и он оставался спокойным даже под взглядом стальных глаз Брайанта.

— Нужно направить в Судан, а конкретнее в район Дарфур, нашего специалиста, — уверенно заговорил Симмонс, — который бы объединил все повстанческие формирования и направил бы их усилия в нужное для нас русло. Нападение на правительственные военные формирования, захват заложников и важных для страны объектов — например, аэропорта возле Порт-Судана или столичного аэропорта, устранение нежелательных для нас политиков... Когда правительство станет бессильно перед

угрозой нового военного переворота, можно намекнуть, что русские не смогут помочь в этой ситуации. А вот американские военные готовы к защите демократически избранного правительства.

— И кого конкретно вы имеете в виду, Деррик? Кому можно поручить столь деликатное дело? У вас есть кандидаты для такой операции?

То, что генерал назвал Симмонса по имени, было хорошим знаком. Полковник приободрился и еще увереннее посмотрел на Роберта Брайанта:

— У меня есть одна-единственная кандидатура для выполнения этой миссии — Танцор.

Брайант вопросительно посмотрел на Симмонса. Эта кличка, а вернее, позывной агента, ему ни о чем не говорил.

— Вы можете назвать его по фамилии, — позволил он полковнику и добавил, усмехнувшись: — Шансы, что нас сейчас подслушивают русские, на нуле.

— Дело в том, сэр, что Танцор не мой агент. Он даже не совсем разведчик в том смысле, который мы привыкли вкладывать в это слово.

— Как так? — не понял Брайант и чуть приподнял одну бровь, давая понять подчиненному, что он ждет от него подробных объяснений.

— Танцор... Я все-таки не буду называть его настоящего имени, и не из боязни, что нас подслушают русские. — Едва заметная улыбка скользнула в уголках губ Симмонса. — Просто я повторяю, что это не мой агент, и ему может не понравиться, что его имя

раскрыто — пусть даже в этих стенах. Он из «зеленых беретов», но уже не раз плотно работал с разведкой.

— Силы специального назначения... Понятно. — Генерал недовольно нахмурился. — Но, Симмонс, нам нужен не дуболом, а человек острого ума, способный не просто объединить и организовать толпы повстанцев в Судане, а разработать сложные операции и осуществить их так, чтобы никто потом не докопался до истины и не объявил Америку пособником терроризма. Русские спят и видят, чтобы сделать такое, уже официальное, заявление в ООН. До этого они ограничивались намеками и угрозами, но если мы дадим им реальный повод... Надеюсь, вы меня понимаете...

— Да, я понимаю ваш настрой. Но я знаю одно — более подходящей кандидатуры на эту роль нам не найти, — уверенно ответил полковник.

Увидев в глазах начальника признаки сомнения, Симмонс решил выложить ему все свои соображения касательно кандидатуры Танцора. А потом пусть решает — стоит или нет посылать этого человека в Судан.

— Я сказал, что Танцор из «зеленых беретов», — теперь уже глаза Симмонса впились в лицо Брайанта, — но я не сказал вам, что он ветеран, а не действующий спецназовец. Равных ему в искусстве переговорщика нет даже среди действующих специалистов, так же как никто из молодых не сравнится с ним в умении разрабатывать специфические операции и выполнять их. Танцор не просто ветеран

спецназа — он тигр, лис и ястреб в одном лице. Если вы понимаете, о чем я. К тому же у него весьма большой опыт по проведению именно таких операций. Он начинал на Гаити еще в середине девяностых как молодой боец и проявил себя, по праву заслужив Медаль Почета.

— Хм. — Брайант с интересом посмотрел на Симмонса и кивнул ему, предлагая продолжать.

— Далее его карьера пошла по нарастающей. Он участвовал в специальных операциях в Югославии, Афганистане, потом были Ирак, Пакистан, Ливия, Сирия. Танцор побывал даже в Чечне... — Полковник улыбнулся, увидев реакцию начальника.

— В Чечне?

Брайант даже привстал от удивления, но потом снова сел и вопросительно уставился на Симмонса в ожидании дальнейших разъяснений. На должность начальника Африканского отделения РУМО он был назначен не так давно, не прошло и трех лет, но он знал, что полковник Симмонс, которого перевели к нему из соседнего, Ближневосточного, отдела год назад, слыл незаурядным и опытным разведчиком, который в свое время прошел и огонь, и воду, и медные трубы. Не доверять рекомендациям коллег у Брайанта оснований не было.

— Да, он был там во время Второй чеченской войны, как ее называют русские. Мы тогда совместно с подразделениями специального назначения и инструкторами из Афганистана консультировали там местные формирования, а заодно помогали им

в борьбе за независимость. Неофициально, как вы понимаете. Именно тогда я и познакомился с Танцором. Мы с ним нашли, что у нас много общего, и даже подружились. После Чечни Танцор со своими ребятами еще год пробыл на Северном Кавказе, а потом был переброшен в Ливию.

— Биография, конечно, впечатляющая... — Брайант встал и прошелся от стола до дверей кабинета и обратно. — Но мне хотелось бы изучить эту кандидатуру более подробно, прежде чем я приму какое-то решение.

— Я принес с собой его досье, в котором подробно рассказано обо всех операциях, в которых он участвовал и какие разрабатывал сам. О его личных качествах я даже говорить не буду, так как это бессмысленно. Его дела расскажут вам о нем больше, чем моя устная рекомендация, — заметил Симмонс и протянул генералу пухлую папку, предварительно вложив в нее листки, которые вынимал во время доклада.

— Хорошо. — Брайант остановился напротив полковника, но папку из его рук не взял. — Оставьте ее на столе, я сегодня же просмотрю все принесенные вами документы и приму решение в течение трех, нет, пожалуй, двух ближайших дней.

ГЛАВА 2

*Побережье Атлантического океана,
пригород Майами, штат Флорида*

Мужчина бежал вдоль кромки берега так близко к воде, что набегавшие волны лизали его ступни. Бежать босиком по мокрому песку было непросто, но по бегуну не было видно, что он устал, хотя бежал он уже целый час. Он вышел из дома еще затемно и все время бежал в одном направлении — вдоль берега океана. И только когда первые лучи солнца только-только начали касаться горизонта, он наконец-то, развернувшись, побежал обратно. Мужчина бежал, сосредоточенно глядя только в одну сторону — перед собой. Он не осматривался по сторонам и не делал никаких остановок, чтобы перевести дух. Его грудь работала как большой насос, да и все его тело напоминало машину, где сердце было мотором, а мышцы броней, способной выдержать любые перегрузки и столкновения.

Еще через час, добежав по берегу до одиноко стоящего шезлонга под зонтиком, он скинул с себя то небольшое, что на нем было надето, зашел в воду и поплыл...

На берег он вышел только через час. Солнце в это время уже довольно высоко поднялось над горизонтом и окрасило лазурные воды океана в розоватый цвет. Мужчина оделся и, сев в шезлонг, стал наблюдать за волнами. За его спиной, в окружении пальм и мангровых деревьев, стояла небольшая двухэтажная вилла из белого камня, выстроенная в современном стиле. Но ни она, ни природа вокруг нее не интересовали мужчину. Его вообще мало интересовала светская жизнь. Он скучал.

Прошло только три дня, как мужчина вернулся домой с военной базы Форт-Либерти, где он служил инструктором у новобранцев, желающих стать военной элитой Америки. Но даже эти три дня отдыха от службы ему теперь казались вечностью. Он не был стар, но и молодым он назвать себя уже не мог, хотя все еще легко смог бы дать фору многим молодым спецназовцам. Но если двадцать лет назад он запросто мог пропустить пару дней тренировок и не выбиться из колеи, то теперь приходилось постоянно поддерживать форму.

Его дед и отец были военными, и он сам с самого раннего детства не мог даже помыслить, что, став взрослым, избрет какую-то профессию, не связанную со службой в армии. Будучи амбициозным и самолюбивым, он избрал для службы самый сложный и специфичный род войск — войска специального назначения. И не потому, что «зеленые береты» были элитными войсками и вызывали восхищение и уважение у мальчишек и девушек, а потому, что они

были лучшими во всей американской армии в принципе. Нагрузки и риски в спецназе много выше, чем в других войсках. И именно это привлекло его в первую очередь. Ему хотелось быть лучшим в своем деле, и он стал им. Не было никого во всем подразделении, кто бы мог совмещать силу, ловкость, ум, смекалку и знания лучше него. Никто не мог быстрее и удачливей его отклониться от летящих навстречу пуль. Сначала его звали везунчиком, но потом, когда его везение стало нормой, а не просто удачным стечением обстоятельств, ему дали позывной, достойный его умения избегать смерти, — Танцор.

Есть у спецназовцев всех стран мира такой эффективный прием, используемый во время ведения боя и сбивающий с толку противника, — «танец». В движущуюся мишень попасть трудно даже снайперу, поэтому спецназовцев учат быть гибкими и подвижными, не стоять истуканами на одном месте, если находишься на открытой местности. Танец не просто помогает сбить с прицела того, кто хочет в тебя выстрелить, но и обескураживает стрелка. Ты, значит, в него стреляешь, а он — не пытается укрыться от пуль, а танцует. Обескураженный враг не сможет сосредоточиться, а значит, у «зеленого берета» повышаются шансы остаться в живых. Танцор был лучшим из лучших, кто выполнял этот прием, и это спасало ему жизнь не один раз.

В детстве и в юности Танцора звали Мэтью Хилл, но постепенно его настоящие имя и фамилия стали и для него, и для его друзей, и для командиров чем-то

ненужным, несущественным. И тогда он стал просто Танцором. И это его вполне устраивало. Новое имя делало его особенным, выделяло среди множества Мэтью Хиллов, которых в Штатах было столько, что и не перечесать. И все они были безлики и безызвестны. Но стоило кому-то назвать имя Танцор, как все становилось предельно ясным — это говорят о нем. Правда, говорили о нем очень редко, да и то только посвященные в его работу люди.

Танцору было сорок пять, когда в апреле 2018-го он получил третье по счету ранение — на этот раз в Ливии. После этого ему предложили работу инструктора в Форт-Либерти, где он мог обучать молодых спецназовцев всему, что он знал сам. Танцор размышлял месяц (пока находился в госпитале и на реабилитации), а потом решил согласиться. Конечно, это был совсем не тот кайф и не тот всплеск адреналина, который он получал, когда гонялся за арабами по пустыне или отстреливал русских в горах Кавказа, но выбора у него не было. Его жена поставила ультиматум — или он уходит на более спокойную работу, или она забирает их дочь, отсуживает у него половину нажитого добра и разводится с ним. И черт бы с ним, с этим добром, но лишиться единственной дочери он не мог. Джун он не просто любил, он ее обожал и был готов ради нее на все. С той поры прошло уже почти пять лет, и Танцор нисколько не жалел о своем решении уйти в инструкторы.

Когда-то Танцор мечтал, что у него будет сын и он научит его всему, что он умеет сам. Он сделает

из него воина, такого же хорошего, как он сам. Но родилась девочка, и поначалу Танцор был разочарован. Он надеялся, что женщина, которую он выбрал себе в жены, родит ему еще и сына, но врачи сказали, что этому уже не бывать, и тем самым подписали приговор. Не жене Танцора, ей и одной дочери было вполне достаточно, а самому Танцору. Он снова ушел воевать, хотя, родись у него сын, он уже тогда бы спокойно мог уйти на пенсию и быть рядом с ним. Растить из него воина, как некогда его отец вырастил его.

Отношение к дочери у него поменялось, когда той исполнилось два года, и он, приехав домой в кратковременный отпуск, впервые увидел ее не на фотографии, а живьем. Девочка не просто очаровала его, она сделала его зависимым от себя, как наркотик делает зависимым от себя наркомана. Танцор больше не отнекивался, когда его отсылали в отпуск, и с удовольствием возвращался домой, чтобы увидеться со своей Юноной, как он иногда называл Джун. Он стал еще более осторожен, если ему приходилось выполнять опасные задания. Нет, он не прятался от противника, но удвоил свое умение быть неуловимым для снайперов и шальных пуль. Видеть дочь, видеть, как она растет, было для него жизненно необходимым. Его любовь к ней стала для него смыслом его жизни. Девочка отвечала ему взаимностью. Отец и дочь были словно связаны одной прочной веревочкой, и если бы жена увезла Джун, то Танцор понятия не имел бы, как бы он смог жить

по-прежнему — жить, как он жил, когда у него не было Джун.

За спиной мужчины послышался тихий шелест песка. Он был такой тихий, что, будь на месте Танцора кто-то другой, он бы просто не услышал его, а если бы и услышал, то подумал бы, что это ветер перебирает песчинки, и не обратил бы на это никакого внимания. Кто-то другой, но только не Танцор. Он не только услышал шаги за спиной, но и уловил еле заметный аромат шампуня с пачули, которым его дочь моет голову. Мужчина улыбнулся и сказал, не оглядываясь:

— Скоро ты научишься подкрадываться ко мне так же тихо, как это делали индейцы племени апачи, когда охотились за скальпами наших с тобой предков в лесах Аризоны.

Тут же его шею обхватили руки девочки-подростка, и она, наклонив голову, поцеловала отца в чисто выбритую щеку.

— Папа, я никогда не смогу научиться подкрадываться к тебе, даже если буду ходить тихо, как апачи, — сказала Джун. — У тебя такой чуткий слух...

— Еще рано. Почему ты не спишь? — Танцор взял дочку за руку и, притянув к себе, посадил на колени, но девочка сразу же вскочила.

— Я уже не маленькая! — заявила она.

— Для меня ты всегда будешь маленькой, — улыбнулся он.

— Пойду искупаюсь. Не хочешь со мной?

— Нет, иди одна. Я посижу и полюбуюсь тобой с берега.

Танцору очень хотелось добавить, чтобы она была осторожней и не заплывала далеко от берега, но он не стал ничего говорить. Он знал, что Джун плавает так же хорошо, как дельфин, и не боялся за нее. А если так, то к чему было говорить лишние слова?

Наплававшись и устав, Джун вышла из воды.

— Папа, — девочка натянула джинсы и топ, — Дэни пригласил меня в кино. Как думаешь, мне стоит согласиться?

Ни один мускул на лице Танцора не дрогнул, но это не значило, что он никак не отреагировал на слова пятнадцатилетней дочери. Он знал Дэни, как знал всех друзей Джун. Но ему почему-то никогда не приходило в голову, что его девочка уже настолько взрослая, что мальчики могут приглашать ее на свидания. Словно подслушав его мысли, Джун сказала:

— Только не думай, что это свидание. Я отношусь к Дэни точно так же, как и к другим своим друзьям. У меня нет приоритетов. Мне серьезно пока что никто не нравится. Так что не стоит беспокоиться.

— Решай сама.

Ответ был нейтральным. Он не выражал ни одобрения, ни недовольства. Но Джун знала: отец был бы рад, если бы она ответила, что с большим удовольствием пошла бы в кино с ним, чем с Дэни. Поэтому она только улыбнулась и перевела разговор на другую тему.

— Я проголодалась. Пойдем, я приготовлю нам блинчики, — предложила она и, не оглядываясь на отца, направилась к дому.

— М-м-м... Блинчики, приготовленные Джун, — это звучит замечательно, — заметил Танцор и направился следом за дочерью.

Жена Танцора еще спала. В отличие от мужа и дочери, она не любила вставать рано и ложилась не раньше двух или трех часов ночи. Поэтому обычно, когда Танцор приезжал домой на выходные или в отпуск, отец и дочь завтракали вдвоем. Завтрак они готовили по очереди. Причем, когда была очередь Танцора, он предпочитал что-нибудь попроще — яичницу с беконом, тосты с арахисовым маслом, хлопья, залитые молоком или йогуртом, тосты с сыром или творог. В общем, все то, что можно было съесть, не прилагая больших усилий для приготовления. Джун, как будущая хозяйка, всегда старалась порадовать отца каким-нибудь кулинарным изыском в виде блинчиков, вафлями с кленовым сиропом, бейглами с сыром, ветчиной или рыбой.

Через двадцать минут они уже всю уплетали порцию панкейков с черникой и шоколадным муссом и весело болтали, обсуждая поездку на Майами-Бич в ближайшие выходные.

— Мэтью! Черт тебя побери! Забери из спальни свой дурацкий телефон! Он уже третий раз меня будит!

Резкий и звучный голос жены Танцора Регины заставил его вздрогнуть. Он уже отвык от своего

настоящего имени, и привыкать к нему снова ему не очень-то и хотелось. Но куда было деваться?

— Сиди, я сама принесу. — Джун вскочила и помчалась вверх по лестнице на второй этаж, на котором находились спальни.

Танцор был беспредельно благодарен дочери за то, что она избавила его от подъема на второй этаж и ворчания Регины. В целом он уже научился не обращать внимания на недовольство супруги, которое она выражала практически все время и по любому поводу, но все равно лишний раз старался не попадаться ей на глаза. Его вполне устраивало общество Джун, с которой он не только нашел общий язык, но и был на одной, что называется, волне.

С Региной он познакомился шестнадцать лет назад, перед самой отправкой на новое место службы. Решение жениться на девушке, которая была на пятнадцать лет его моложе, пришло, можно сказать, мгновенно, на следующее же утро после бурной совместно проведенной ночи. Танцор не тешил себя иллюзией, что Регина — женщина всей его жизни, которую он искал и которую бы хотел видеть своей женой. Но она вполне подходила для того, чтобы родить ему сына. Красивая, темноглазая и темноволосяя мексиканка со вспыльчивым и довольно скандальным характером, тем не менее была отличной хозяйкой и заботливой женой и матерью. Единственным ее недостатком, по мнению Танцора, был ее характер. Тогда как ее особенность — быть бодрой ночью и спать чуть ли не до полудня — он недостатком